УДК 811.351.1

DOI: 10.31029/vestiyali21/1

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ АВАРО-АНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Б. М. Атаев

*Институт языка, литературы и искусства им Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Методом внутренней реконструкции предпринята попытка выявить некоторые структурные общности аваро-андийских языков и общие тенденции в изменении фонетической и морфологической структуры аварского и андийских языков. В ряде случаев инновационный характер аффиксов обнаруживает их историческую разложимость.

Ключевые слова: аварский язык, андийские языки, структурные общности, фонетические и морфологические особенности, исторические процессы и инновации.

By the method of internal reconstruction, the author attempts to identify some structural commonalities of the Avar-Andian languages and general trends in changing the phonetic and morphological structure of the Avar and Andian languages. In some cases, the innovative nature of affixes reveals their historical decomposability.

Key words: The Avar language, the Andian languages, structural generalities, phonetic and morphological features, historical processes and innovations.

В процессе исторического развития языка сохраняется определенная преемственность. Основным фактором подобной стабильности, естественно, является его коммуникативная роль. Тем не менее наряду с этим происходит непрерывное обновление структурных элементов языка на всех уровнях языковой системы – фонетическом, грамматическом и лексическом. На сегодняшний день методом внутренней реконструкции уже определены некоторые структурные общности аварского и андийских языков, отличающиеся от современного состояния [см. 14; 13; 2; 3; 4].

В области фонетики процессы, происходившие в аварских диалектах, по данным И. И. Церцвадзе [16], можно распределить следующим образом: 1) переход слабых свистящих в шипящие и интенсивных шипящих в свистящие; 2) дезабруптивация сильных абруптивов; 3) абруптивация сильных аффрикат; 4) спирализация аффрикат и смычных; 5) делатерализация; 6) ослабление губно-губных согласных; 7) делабиализация; 8) переход интенсивных в неинтенсивные. Все названные процессы в той или иной степени затрагивают отдельные диалекты, в то время как литературный язык сохраняет исконную систему.

В «Сравнительно-исторической фонетике аварских диалектов» Ш. И. Микаилова [14] исконный протоаварский (т. е. исходный для всех аварских диалектов) инвентарь согласных фонем включал следующие единицы: губные – *п, б*; зубные – *т, тI, д: ц, цц, цI, цIцI, дз, с, сс, з*; шипящие – *ч, чч, чI, чIчI, ш, шш, ж*; латеральные – *лI, кьI, кь, лъ, лълъ*; заднеязычные – *к, кк, кI, кIкI, г, хъ*; увулярные – *хъ, къ, х, хх, гъ*; фарингальные – *хI, гI*; ларингальные – *гъ, ь*; сонорные – *м, н, л, р, й, в*.

В работах И. И. Церцвадзе [16] и Т. Е. Гудавы [9; 10] содержатся аналогичные выводы, с той лишь разницей, что реконструкция последнего дополняет систему корреляцией кратких и сильных фонем *лI – лIлI, хъ – хъхъ, къ – къкъ*.

Таким образом, к фонетическим чертам протоаварского состояния, в отличие от фонетической системы современного литературного языка, мы можем отнести лишь противопоставление долгой и краткой латеральных абруптивных аффрикат (если первая сохранилась во всех диалектах, то вторая дала различные рефлексy, ср.: лит. *bemler* – анц. *бекъler* – карах. *бикъler* – андал. *бел'ер* «голова» и т. п.).

Изменения, касающиеся фонетической системы протоаварского уровня по сравнению с аварско-андийским состоянием, формулируются Б. К. Гигинейшвили. По его мнению, «в аварском языке изменениям подверглись лишь отдельные ряды аффрикат и спирантов. А именно: а) шипящие спиранты перешли в соответствующие свистящие (*š → s, *š̃ → s); б) заднеязычный спирант перешел в гортанный (*x → h); в) слабые глухие неглоттализированные аффрикаты увулярного и латерального рядов спирантизировались (*q → x, *l' → l'); г) слабая глоттализованная аффриката увулярного ряда дала звонкий фарингальный спирант (*q → ω)» [8, с. 145].

С помощью сопоставления данных различных аваро-андо-цезских языков, а также методом внутренней реконструкции удалось проследить некоторые тенденции и в изменении морфологической структуры аварского языка дописьменного периода. На наш взгляд, наиболее заметные изменения здесь коснулись классной конфигурации. Как известно, современный аварский язык в единственном числе различает три грамматических класса. В то же время яркой отличительной чертой протоаварской морфологии, по сравнению с современной, является наличие IV грамматического класса с показателем *p-*, сохранившимся в застывшем виде:

а) в ряде глаголов, ср.: *rechIclize* «бросать(ся), кидать(ся)», *ragIize* «слышать», *regIize* «успевать», *rekIine* «приклеивать(ся)», *rexhize* «бросать», *rechize* «затягивать (нить основы)» и др.*

Анализируя в связи с этим данные морфологии аварского и андийских языков, Т. Е. Гудавя отмечает: «Наблюдение над окаменевшими классными показателями в глаголе может дать любопытные сведения о прежней классификации слов. Смотря по переходности глагола, можно судить к какому классу принадлежало имя, отображенное глаголом. Напр. ботл. *ри-кв-* «зажигать, разжечь» имеет окаменевший показатель *p-*. Это позволяет заключить, что прямое дополнение этого глагола (таким могло быть слово «огонь») принадлежало к утерянному ныне IV классу (с показателем *p-*). Из других языков видно, что «огонь» действительно принадлежал «классу *p*» (срв. авар. окаменевш. *цIараки* «дым, хозяйство» по современной классификации должно было быть *цIабаки*, ибо ав. *цIа* «огонь» ныне слово III класса)» [11, с. 15].

б) в именах (как правило, отглагольного происхождения), ср.: 1) имена с суфф. *-ел*: *рег-ел* «постель» < *p-ег-изе* «лежать», *регI-ел* «досуг» < *регI-изе* «иметь досуг»; *рекъ-ел* «мир» < *рекъ-езе* «приспосабливаться», *p-етI-ел* «одежда» < *ретI-ине* «одевать(ся)»; *рецI-ел* «расплата» < *рецI-изе* «платить»; *рох-ел* «радость» < *p-ох-изе* «радоваться»; *ругI-ел* «кусок

* Заметим также, что, по мнению проф. М. Е. Алексеева, «семантика глаголов *рельълине* «быть похожим», *рикIкIине* «считать», *рекъезе* «мириться» указывает скорее на то, что в них префикс отражал не IV класс, а число» [2, с. 39].

мяса» < *p-уџI-изе* «совать, впихивать»; *рухI-ел* «горе» < *p-ухI-изе* «гореть»; *рат-ел* «наследство» < *p-ат-изе* «находить»; *p-укI-ел* «жилище» < *рукI-ине* «жить»; *рач-ел* «пояс» < *порч-ине* «надевать»; 2) имена с суфф. *-ен*: *рас-ен* «узор» < *p-ас-ине* «наносить узор»; *рах-ен* «переправа» < *p-ах-ине* «переправляться»; *рештI-ен* «привал» < *p-ештI-ине* «спуститься, сойти» (вниз); *роцIцI-ен* «ясность погоды», < *p-ецIцI-изе* «капать, сочиться»; *рикIкI-ен* «число» < *p-икIкI-ине* «считать»; *рукIкI-ен* «морщина» < *p-укIкI-ине* «морщиться»; *роц-ен* «мерка» < *p-орц-ине* «мерить»; *рук-ен* «зуд» < *p-ук-аризе* «зудеть»; *рухь-ен* «связь» < *p-ухь-ине* «связать».

Хотя условно в вышеприведенных примерах глагольные формы даны во множественном числе, абстрактный характер соответствующих имен скорее указывает не на множественность, а на IV класс, для которого, судя по данным других дагестанских языков, было характерно именно включение абстрактных имен.

Падежная система аварского языка также претерпела ощутимые преобразования. В соответствующей литературе, например, убедительно показан инновационный характер литературного показателя эргативного падежа *-цца*, в то время как его коррелят *-д* в южных диалектах обнаруживает несомненные архаичные черты [12, с. 199]. Предположение того же автора о существовании в аварском языке в прошлом именительного падежа, маркированного классным показателем, по нашему мнению, более проблематично. Во всяком случае, не исключено, что слова кусурского диалекта типа *расул-иб* «веник» или же *гени-б* «груша» могут быть интерпретированы как результат экспансии адъективной парадигмы. Такая экспансия регистрируется и на материале эргатива / косвенной основы.

Хотя использование в склонении субстантивов аффиксов эргатива / косвенной основы *-асс-/-аль-* было известно уже в протоаварскую и, видимо, в прааварско-андийскую эпоху, все же оно было характерно для существительных в гораздо меньшей степени: многие нынешние существительные I и II склонения в прошлом принадлежали к III склонению. Современный дательный падеж, по всей видимости, сформировался на базе одного из местных (направительных) падежей, на что указывает совпадение их формантов, с одной стороны, и отсутствие его рефлексов в родственных языках, с другой.

Родительный падеж аварского языка, образуемый во всех диалектах и говорах с помощью суффикса *-л*, может быть связан с общеандийским генитивом на классный показатель. Генитив личных и возвратных местоимений, образующийся с помощью суффикса *-р*, также является окаменелым классным формантом [17, с. 92]. Эта гипотеза, как известно, основывается, во-первых, на предположении о былом наличии в аварском языке IV класса с показателем *-р* и, во-вторых, на отождествлении аварского и андийского родительного падежа.

В связи с этим на возможность отождествления *-л* в генитиве имен и *-р* в генитиве местоимений указывает М. Е. Алексеев: «Как известно, показатель множественного числа в глаголе имеет варианты *p-/-л* (соответственно в начале и в конце слова, ср. *p-уге-л* «сущие, имеющиеся»). Отражение с помощью подобной альтернации былой оппозиции двух классов вещей (IV и V) представляется нам в высшей степени сомнительным. Фонетически подобное чередование также не объясняется: как начальный *л*, так и конечный *-р* – в аварском языке явление нормальное. Следовательно, здесь имел место морфонологический процесс: переход *p > л* в определенных фонетических условиях (например, в причастиях прошедшего времени с суффиксом *-ра-*, где такой переход мог быть обусловлен диссимиляцией, или же в причастиях настоящего и будущего времени, где могла иметь место ассимиляция под влиянием суффикса *-ле-*) с последующим перераспределением» [1, с. 25].

С аффиксом генитива могла произойти аналогичная метаморфоза: в результате ассимиляции в именах с конечным *-л* или же диссимиляции в именах с конечным *-р* произошел переход *p > л*, который затем был по аналогии распространен на все имена. Таким образом, оба варианта генитива *-л* и *-р* можно считать генетически восходящими к классной морфеме, хотя классные функции эта морфема утратила задолго до распада протоаварской общности. В один ряд с аварским *-л*, в свою очередь, мы включаем вторую форму генитива в цезских

языках (в бежтинском, инхокваринском *-ла*, цезском (сайтлинском) *-ло*, хваршинском *-ло*, общецезском **-ло*), оформляющую определение при определяемом, стоящем в одном из косвенных падежей. Близкие материально единицы обнаруживаются и в других дагестанских языках. В частности, нельзя не обратить внимания на тождество сопоставляемых показателей с лакским генитивом-эргативом на *-л* и даргинским родительным падежом на *-ла*.

Все же, учитывая возможную этимологию аварского *-л*, мы склонны считать данное сближение не совсем убедительным. Кроме того, даргинское *-ла* совпадает с суффиксом отглагольных существительных (ср.: *умц-ла* «мерка» от *умцес* «мерить» и т. п.). Подобное совпадение считается результатом развития функций генитива, однако не менее вероятно и обратное направление развития, тем более что для словообразовательного *-ла* имеются достаточно широкие параллели [см. 2, с. 114]. Лакское *-л*, как и аварский показатель, увязывают с классным экспонентом **-р* [7, с. 89], хотя в то же время предполагается генетическая общность этого форманта с даргинским *-ли*, на основе чего возможно возникновение протолакского **-лГ*.

Считается, что в протоаварском существовала особая серия местных падежей на *-гь*, реликты которой усматриваются в словообразовательном суффиксе *-гьан*. К исконным падежным единицам относим также локатив на *-mla*, в то время как его литературный коррелят на *-да* проявляет явные инновационные характеристики (в литературе высказываются мнения об исторической членимости данного аффикса). Известно, что аблатив на *-сса-* по происхождению является словообразовательным формантом. Выявляется также историческая разложимость ряда аффиксов множественного числа.

При некоторых отличиях на современном этапе личные местоимения аваро-андо-цезских языков обнаруживают глубокое материальное родство. В специальной литературе [6, с. 124; 4, с. 62] указывается на выпадение конечного сонорного *-н* в форме личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа цезских языков (кроме диалектного гинухского). Этот фонетический процесс характерен для некоторых андийских языков (тиндинского, говоров багвалинского). В остальных языках конечный *-н* в личных местоимениях 1-го и 2-го лица единственного числа или сохранился (в андийском, ботлихском, годоберинском, каратинском, ахвахском), или ослабился, чем вызвал назализацию предыдущего согласного (в чамалинском и говорах багвалинского) [15, с. 228]. Конечный элемент *-н* хорошо сохранился в аварском языке, и в этом отношении аварские формы *дун* «я» и *мун* «ты» мы считаем исходными [об этом подробнее см. 5].

Таким образом, можно вывести, что аваро-андийские языки имеют очень развитую систему согласных и достаточно развитую систему гласных. Во всех аваро-андийских языках имеется пять чистых гласных: *а, е, и, у, о*. Назализованные гласные *а, е, и, у, о*, возникшие в результате ослабления и выпадения носового сонорного *н* (реже *м*), имеются только в ботлихском, тиндинском, ахвахском, чамалинском, багвалинском языках, а долгие гласные, появившиеся в результате слияния двух одинаковых оральных гласных, характерны только для чамалинского, ахвахского и тиндинского языков. Как назализованные, так и долгие гласные вторичны по отношению к оральным. Характерный признак гласных в андийских языках – их произношение в начале слова с твердым приступом.

Одна из важных черт консонантизма этих языков – противопоставление глухих аффрикат и спирантов по корреляции «слабый – сильный». В отдельных андийских языках имеются случаи нарушения такой корреляции. Почти во всех андийских языках утрачен слабый коррелят *ц*, а его сильный коррелят *цц* остался. Во многих языках этой подгруппы сильному разрушению подвергся и коррелятивный ряд латеральных согласных. Полностью шумные латеральные сохранились в ахвахском языке, противопоставляясь и по признаку «слабый – сильный». Между отдельными андийскими языками наблюдаются фонетические различия: в тиндинском и годоберинском нет сильных смычно-гортанных аффрикат *цлцл* и *члчл*. Они заменены здесь несмычно-гортанными *цц*, *чч*. В ахвахском языке слабые свистящие согласные

с, ц, цI перешли в шипящие *ш, ч, чI*. Сильные шипящие переходят в сильные свистящие и в говорах чамалинского языка

Грамматический строй аваро-андийских языков характеризуется следующими общими чертами: противопоставленность непереходных глаголов переходным, которая проявляется в управляемых ими ядерных падежах – в абсолютиве и эргативе, лежащих в основе двух основных синтаксических конструкций дагестанских языков – наличии именных и морфологических классов и др. В аваро-андийских языках, в отличие от ряда других дагестанских языков, отсутствует личное спряжение. Глагольные формы не дифференцируются по видовому признаку за исключением аварского языка. По видовому признаку здесь дифференцируется лишь небольшая часть глаголов. В андийском и ботлихском языках сохранились следы более архаичной категории одушевленности/неодушевленности. Впоследствии эта категория преобразовалась в категорию личности/неличности. В андийском языке (нижнеандийские говоры) существительные распределены по именным классам по архаическому принципу – без учета их числовых форм. Именные классы, построенные без учета форм грамматического числа, имеются и в других группах дагестанских языков, например в лакском, однако по своему построению они в этих языках не совпадают. Только в андийских языках существует пятичленная система именных классов (в годоберинском, каратинском, ахвахском, багвалинском и тиндинском языках), из которых 3 – в ед. ч. и 2 – во мн. ч. Система именных классов аварского языка, в которой имена существительные по форме их ед. ч. распределяются по трем классам (мужчин, женщин, животных и вещей), не характерна для других языков. Она возникла исторически из шестичленной системы.

Специфической чертой аваро-андийских языков является наличие косвенной основ парадигмы склонения имен существительных, субстантивированных атрибутивных имен – прилагательных, причастий, числительных, указательных местоимений и др. Общей чертой андийских языков является наличие в их парадигме двух родительных падежей, каждый из которых закреплен за определенной парадигмой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. Е. К реконструкции общедагестанского генитива // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992. С. 22–28.
2. Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988. 223 с.
3. Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категория имени. М.: Academia, 2003. 264 с.
4. Атаев Б. М. Морфология аваро-андо-цезских языков: структурные и материальные общности / отв. ред. К. Ш. Микаилов. Махачкала, 1996. 159 с.
5. Атаев Б. М. Опыт реконструкции прономинальной системы аварского языка // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992. С. 29–35.
6. Атаев Б. М. Структурный облик протоаварского языка (из опыта внутренней реконструкции) // Вопросы филологии. М., 2006. Вып. 5. С. 123–125.
7. Бурчуладзе Г. Т. Основные вопросы падежного состава и процессов склонения имен существительных в лакском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 138 с. На груз. яз.
8. Гигинейшвили Б. К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1977. 165 с.
9. Гудава Т. Е. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 223 с.
10. Гудава Т. Е. Консонантизм андийских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1964. 222 с.
11. Гудава Т. Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала, 1959. 236 с.
12. Микаилов К. Ш. К генезису *-ца* – одного из североаварских формантов эргативного падежа // Уч. зап. ИИЯЛ им. Г. Цадасы. Махачкала, 1965. Т. XVIII (Сер. филол.). С. 197–200.
13. Микаилов Ш. И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964. 171 с.

14. *Микаилов Ш. И.* Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. Махачкала, 1958. 159 с.
15. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971. 296 с.
16. *Церцвадзе И. И.* Основные тенденции изменения согласных в аварском языке (по данным диалектов) // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1974. Т. I. С. 128–138.
17. *Чикобава А. С., Церцвадзе И. И.* Аварский язык. Тбилиси, 1962. 442 с. На груз. яз.

Поступила в редакцию
22.02.2020.

Атаев Борис Махачевич, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института языка, литературы
и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: bm_ataev@mail.ru

Ataev Boris Makhachevich, Doctor of Philology,
chief researcher, the G. Tsadasa Institute
of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: bm_ataev@mail.ru